

Чувство Родины в творчестве архитектора (Часть 1)

В статье рассматривается понятие «родное» применительно к архитектурному творчеству, во взаимодействии архитектора и места размещения будущего объекта с его специфическим *genius loci* («духом места»). Как пример наиболее успешной реализации концепции «родного» в европейской архитектуре рассмотрено такое ее направление, как «регионализм». Приведены примеры применения «регионального» подхода в современной западноевропейской и российской архитектуре.

Ключевые слова: архитектура, контекст, родное, дух места, *genius loci*, место, жилая среда, самобытность, информационное поле, регионализм, гуманизм.

BELOUSOV A. V.

SENSE OF HOMELAND IN ARCHITECT'S WORKS (Part 1)

*The article deals with the concept of «native» in relation to architectural creativity, in the interaction of the architect and the location of the future object with its specific *genius loci* («spirit of the place»). As an example of the most successful implementation of the concept of «native» in the European architecture is considered its direction as «regionalism». Examples of application of the «regional» approach in modern Western European and Russian architecture are given.*

Keywords: architecture, context, native, spirit of place, *genius loci*, place, living environment, identity, information field, regionalism, humanism.

Страна — это единство народа,
природы и культуры.

Д. С. Лихачев

**Белоусов
Алексей
Витальевич**

член Союза архитекторов
России, советник РААСН
e-mail: archiabel@mail.ru

Говоря о формировании в сознании человека образа Родины, отметим, что архитектура занимает в этом процессе одно из ведущих мест. Особенно это касается детства. Первые детские впечатления, а в жизни они — одни из самых ярких, связаны с родным домом, родной улицей, городом, поселком, селом. То есть, с объемно-пространственной средой, в формировании которой принципиальные решения принимаются именно архитекторами.

Жилой дом, для многих коллег являющийся, прежде всего, объектом проектирования, это как раз именно то, «с чего начинается Родина». Данное свойство дома в процессе проектирования очень часто уходит из поля зрения архитектора на второй план под давлением целого комплекса задач градостроительного, функционального, объемно-планировочного, технологического характера.

Образ Родины на ранних этапах формирования личности достаточно сильно влияет на самооценку человека. Молодым людям искренне хочется гордиться своей Родиной. И от архитектора зависит — будет им чем гордиться или нет. На архитекторе как творце образа Родины лежит колоссальная социальная ответственность. Транслируя образ, понятный и близкий жителям, архитектура усиливает любовь и привязанность к месту жительства, помогает обрести чувство Родины.

Архитектор не всегда проектирует для того места, где он живет. Поэтому одной из задач, которые приходится решать архитектору, прежде чем начать проект, — суметь «породниться» с локацией будущего объекта, испытать личную привязанность, симпатию к этому месту, понять его жителей. Важно искреннее желание изменить условия их жизни к лучшему.

Триада «единство времени, места и действия», делающая творческий акт безусловно убедительным, возможна только у архитектора, решающего проектную задачу экзистенциально, как свой личный жизненный выбор, — максимально искренне и честно по отношению к людям, для которых он проектирует. Архитектор по сути своей — гуманист, правда, многие наши коллеги, занимающиеся реальным проектированием, не всегда об этом помнят.

В настоящее время много наших сограждан живут в домах, а порой в целых городах, которые по месту рождения являются для них родными, а по их личному отношению — близкими, любимыми, родными — не являются. Речь, прежде всего, идет не о столичных городах и крупных региональных центрах, а средних и малых городах, поселках, деревнях россий-

Иллюстрация 1. Заброшенный жилой дом постройки XIX в. в исторической подгорной части г. Тобольска. Фото А. В. Белоусова

Иллюстрация 2. Индивидуальный жилой дом по ул. Семакова в исторической части г. Тобольска. Фото А. В. Белоусова

ской провинции, где проживает большая часть населения нашей страны.

Цель статьи — выявить связанные с архитектурой характеристики современной городской среды, вызывающие визуальный психологический дискомфорт, попытаться определить основные причины их появления и дать предложения по коррекции сложившейся ситуации, подкрепив их примерами из современной проектной практики.

Свойства застройки, придающие поселению «неродной» характер:

— Застройка городов советского периода — это по преимуществу однообразная жилая застройка, выполненная по типовым проектам. Их число было достаточно ограниченным. Типовой дом по факту может быть родным, а по своей сути, по духу он быть родным не может по определению: типовое — повторяемое, одинаковое для всех, а родное — личное, индивидуальное, мое.

Большинство построек советского периода, особенно сборной крупнопанельной конструкции, отличаются: минимальное количество архитектурных деталей на фасадах или полное их отсутствие, низкое качество строительства, отделка дешевыми, недолговечными материалами, придающими зданиям облезлый вид, простота композиции фасадов. Благоустройство окружающей эти постройки территории выполнено в минимальном объеме и, как правило, частично руинировано.

Есть, конечно, особенно в центральной части городов, примеры качественной архитектуры советского периода, особенно это касается так называемой «сталинской архитектуры», но на образ города в целом это оказывает не такое значительное влияние, как хотелось бы, так как большая часть застройки города (80–90%) — однообразная типовая.

Несмотря на усилия местных властей по благоустройству общественных пространств и придомовых

территорий, облезлые панельные и оштукатуренные фасады продолжают вызывать визуальный дискомфорт у жителей.

— Застройка, сложившаяся в российских городах до 1917 г., сейчас достаточно активно реставрируется и реконструируется без ущерба архитектурным качествам объекта, опять же в основном в центральной части городов и в основном в столицах и региональных центрах. Это, прежде всего, касается зданий в капитальном кирпичном исполнении. Деревянная архитектура в общем объеме реставрации занимает весьма незначительную часть.

Одной из характерных особенностей застройки русских городов было преобладание именно рядовой, одно-двухэтажной жилой деревянной застройки [2]. Она была своего рода фоном для каменных сооружений культового и общественного характера, являвшихся градостроительными акцентами, доминантами.

Современная ситуация с деградацией исторической деревянной застройки — просто катастрофическая. Закат великой строительной традиции русского деревянного зодчества, который мы сейчас переживаем, — это один из самых разрушительных ударов по «родному» в нашей архитектуре (Иллюстрация 1).

— Индивидуальное жилищное строительство, активно ведущееся в настоящее время по всей России не только в пригороде и окраинах населенных пунктов, но и в исторических центрах небольших городов, в том виде, как оно сейчас осуществляется и как регламентируется, — это, скорее, градостроительная проблема, чем достижение.

Строя в границах отвода свою «маленькую родину» по принципу «сам себе режиссер», не обладая профессиональными проектными навыками, не учитывая местных исторически сложившихся традиций строительства, не ограниченные регламентами по применяемым материалам наружной отделки и цвету крыш, люди создают на больших по площади городских территориях жилые образования, состоящие из множества разрозненных по характеру, никак не сочетающихся между собой домиков, домов и «домищ» (Иллюстрация 2).

Понятия «моя родина» и «наша родина» в этой ситуации находятся в конфликте. В современном индивидуальном строительстве, как правило, отсутствует не только ансамблевость, но и просто цельность.

Цельность застройки, вписанность в окружающий ландшафт были ха-

рактерными особенностями русских городов и поселений. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть фотографии С. М. Прокудина-Горского, выполненные им во время путешествия по дореволюционной России [3].

— Безусловно, основной комплекс проблем, мешающих формироваться городу именно как «родному месту», связан с современной архитектурно-строительной практикой. В настоящее время в угоду инвесторам, с их страстием к максимальному коммерческому эффекту, новая жилая застройка проектируется с предельными нормативными показателями по этажности, плотности, населенности.

Активно применяемая на территории типовых советских микрорайонов «точечная» застройка приводит к тому, что окружающие дома оказываются без полноценных детских площадок и озеленения. Кроме того, такой тип застройки уничтожает «родной двор» как социальное явление, как феномен городской бытовой культуры.

Реновация, продвигаемая за пределы столиц, обозначает обновление существующего. По тому, как она осуществляется, — это абсолютный, тотальный, стопроцентный снос с полным уничтожением исторически сложившегося «духа места» (лат. *genius loci*).

Архитектура подавляющего большинства вновь построенных сооружений, как и советская типовая архитектура, выполнена с преобладанием крупных членений, минимумом деталей и композиционных приемов, решена в эстетике «современной архитектуры» или «интернационального стиля».

Словосочетание «родной дом», как мы его понимаем в традиционном культурно-историческом смысле, не вяжется с подавляющим большинством недавно построенных жилых зданий-многоквартирников. Если в советский период типовыми были весь дом или жилая блок-секция, то сейчас типовыми стали 5–10 архитектурных приемов, которые варьируются друг с другом в разных сочетаниях и изменяются в масштабе.

Для архитекторов-профессионалов такие дома, возможно, и являются индивидуальными, отличающимися друг от друга, а для простого городского жителя они — одинаковые, так как впечатление от внешнего вида этих разных домов практически одно и то же.

Отдельная тема в современной архитектурной практике — это так называемая «звездная» архитекту-

Иллюстрация 3. Шахматная Академия в г. Ханты-Мансийске. Арх. Эрик Ван Эгераат. Фото А. В. Белоусова

ра. Для средних и малых городов России «звездная» архитектура исключительно редкое явление. Автор проектирует в г. Ханты-Мансийске, где сравнительно недавно один из «звездных» архитекторов, Эрик Ван Эгераат [13, 34–49], реализовал проект Шахматной Академии (Иллюстрация 3). Не исключено, что в скором будущем в России появятся свои архитекторы-«звезды».

«Звездная» архитектура сфокусирована на уникальности автора-архитектора. Она в принципе игнорирует понятия «местное», «органичное», «родное». За исключением функциональной программы и законов земной гравитации игнорируется все; главное — оригинальность, неповторимость самовыражения автора, результат которого помещен во внешне нарочито эффектную, на грани провокации, оболочку. Для такой архитектуры не существует традиций места, культурных, градостроительных, ландшафтных и климатических особенностей.

Подобные здания, своего рода «обитаемые скульптуры, вещи в себе», игнорирующие окружение и фокусирующие внимание зрителя исключительно на себя, при восприятии не вызывают близких по духу, «родных» ассоциаций и выглядят, хоть и эффектно, но чужеродно.

Словосочетание «родная архитектура» в настоящее время чаще употребляется в публицистике, посвященной вопросам культуры, применительно к архитектуре прошлого. В профессиональной архитектурной среде, говоря о том, что строится и проектируется сейчас, его практически не употребляют.

Понятно, что здание только по факту своей постройки, автома-

тически для его обитателей «родным» не является. Архитектура должна еще стать «родной». Очень часто для людей дом, в котором они поселились, родным по духу так и не становится, даже по прошествии длительного времени. Дело в данном случае не только в архитекторе, но и в людях, в характерных особенностях современного социума. Причины следующие:

— **Изменения жизненного уклада, произошедшие за последнее столетие.** Жилая среда человека доиндустриальной эпохи, по преимуществу сельского жителя, была «родной» по определению и состояла из предметов, сделанных либо им самим, либо ремесленниками и артельщиками, проживающими по соседству — его земляками. Дома и предметы были созданы из местных материалов с учетом местных бытовых, культурных и климатических особенностей.

Люди вели оседлый образ жизни, и понимая, что им придется жить в нашем, достаточно суровом, климате на одном месте от рождения до смерти, старались окружить себя вещами, которые бы их радовали или хотя бы не усугубляли житейских трудностей и неизбежных трагических обстоятельств жизни. Жилая искусственная среда через продуманность и красоту всех ее составных элементов выполняла компенсирующую функцию по отношению к негативному жизненному фону.

Если современный человек может «съездить, отдохнуть, развеяться», то раньше приходилось «развешиваться» на месте. Думается, поэтому в традиционной оседлой культуре так много радостных, ярких, солнечных, цветочных, орнаментальных мотивов.

И это базовое, традиционное, «родное» для очень и очень многих поколений наших оседлых предков, сидящее глубоко внутри нас, конфликтует с современной предметной средой, заполненной объектами массового производства, эргономичными, практичными, эстетичными, но не «родными».

— **Миграционные процессы XX в. и процесс глобализации.** Экономическая целесообразность стала доминирующим фактором при выборе места нового поселения уже в XVIII–XIX вв. В советское время она стала абсолютным, единственным, решающим фактором. Эстетические характеристики ландшафта для выбора места будущего города в расчет не принимались. Жизнь по принципу «где хорошо, там и Родина», с ее ощущением неукорененности, не дает раскрыться возможностям современного городского сообщества в части обустройства родного места. Не чувствуя коренной связи с местом, мы не можем в полной мере раскрыть его потенциал, его индивидуальность. В настоящее время для многих в понятии Родина больше общероссийской составляющей, чем местной, локальной.

Современная глобализация в экономике и политике, стимулирующая миграционные процессы, усугубляет эту ситуацию, при которой привязанность и любовь к Родине может восприниматься как что-то анахроничное, противоестественное. Архитекторам требуется усилие, чтобы почувствовать местное своеобразие и суметь при работе на «месте» отбросить модное, нехарактерное, наносное.

— **Смена приоритетов художественного творчества, произошедшая в XX в.** Отказ от реалистического изображения окружающего мира, смещение акцентов в оценке творчества художника от изобразительного совершенства, психологизма образа в сторону индивидуальности, оригинальности, экспериментальности, провокационной субъективности создали в художественной среде культ абсолютной свободы творчества. Этот процесс не мог не повлиять и на архитектурное творчество. Жилая среда начинает превращаться силами, прежде всего, известных «звездных» архитекторов в выставку «обитаемых скульптур». Пример архитекторов с мировыми именами для молодых заразителен. Это весьма тревожное обстоятельство для архитектуры как гуманитарного явления, требующего обязательной преемственности.

— **Перенасыщенность и несбалансированность информационного поля, окружающего современного человека.** Говоря о современности, ее особенностях, характеристиках, хочется выделить такое ее качество, как информационная перенасыщенность, прежде всего благодаря Интернету, практически всех сфер человеческой деятельности. Эта перенасыщенность часто мешает сконцентрироваться на главном, принципиальном, и решая ту или иную задачу, человек, «потеряв фокус», может получить взамен ожидаемого не совсем удовлетворяющий его результат.

При проектировании достаточно часто возникает ситуация, когда заказчик, излишне начитавшись, насмотревшись, напечатлевшись, в результате оказывается в ситуации, что «не знает сам, чего он хочет», а архитектор, не выполнив глубокого предпроектного анализа «места», начинает проектировать под впечатлением того, чего «в Интернете посмотрелся». Результат такого «перенасыщенного информацией» процесса проектирования часто оказывается весьма спорным.

В информационном поле «дух времени» имеет абсолютное доминирование над «духом места» (лат. *genius loci*). Он безусловно его подавляет. Это проявляется в постоянном, массивном информировании на темы нового, модного, современного, прогрессивного, передового, будущего, международного, всемирного, наднацио-

нального — общечеловеческого. Темы, посвященные местному, локальному, традиционному, «родному», накладываются, как правило, на периферии информационного поля и требуют от специалиста, интересующегося этой тематикой, дополнительных усилий для «прорыва сквозь ауру глобальной общечеловеческой современности».

Все вышеперечисленные проблемные обстоятельства в отношении современной архитектуры и «особенностей места» начали остро проявляться не сегодня, а достаточно давно — начиная с конца 60-х — начала 70-х гг. XX в.

Уже в первой половине XX в. — века «победного» шествия по миру «интернационального стиля» — ряд архитекторов, таких как А. Аалто [4] и Л. Кан [5, 526], пришел к осознанию того, что при всех технических, конструктивных, экономических, функциональных и многих других преимуществах, универсальности и формальном композиционном новаторстве архитектура этого направления особо не учитывает климатических, природных, ландшафтных особенностей «места», специфики жизненного уклада, эстетических предпочтений, культурных и строительных традиций его жителей.

Пресловутая универсальность языка так называемой «современной» архитектуры оказалась нейтральностью, равнодушием к своему окружению, обезличивающим «место», лишаящим его индивидуальности. Кроме того, геометрические, абстрактные объемно-пространственные архитектурные упражнения не выражали каких-то важных для духовного мира человека сущностей — требовался новый пластический язык, более богатый на ассоциации, близкие и понятные «простому» человеку — местному жителю.

Ле Корбюзье пришлось признать: «Жизнь права, а архитектор — нет» [6].

Создание в Европе в 60–70-е гг. XX в. местных региональных архитектурных школ, ставшее впоследствии отдельным направлением в современной архитектуре и получившее название «регионализм», было вызвано как раз стремлением местных архитекторов «породнить», привязать эстетику современной архитектуры к местным особенностям климата, ландшафта, бытовой культуры, строительных технологий.

В этом направлении наиболее преуспели архитекторы двух стран, народы которых входят в одну языковую группу — угро-финскую. Речь идет об архитекторах Венгрии и Финляндии. Финские и венгерские архитекторы соединили концепцию современной архитектуры со спецификой «места», переосмысливая «местную» архитектурную традицию, без повторений и буквального заимствования.

Убедительным примером зрелой архитектуры «регионализма» можно назвать творчество венгерского архитектора Имре Маковца, спроектировавшего свои лучшие объекты в 70–90-х гг. XX в. [7, 60–63, 94]. В его зданиях, построенных по современным технологиям, часто применялись конструктивные схемы, традиционные для сельской венгерской архитектуры. Конструктивным элементом, таким как несущие фермы и опорные столбы, архитектор добавил скульптурность за счет их асимметричного решения, мягкой криволинейности и ухода от прямых углов между составляющими элементами. Как наружное архитектурное решение, так и интерьеры зданий И. Маковца имеют яркий, выразительный образ, наполненный ассоциациями, связанными с растительным миром, а также антропоморфными и зооморфными образами. В характере силуэта и деталей его зданий легко просматривается преемственность венгерской архитектурной традиции. Выполненный по его проекту павильон на выставке ЕХРО-92 в Севилье можно назвать архитектурным гимном венгерской культурной идентичности.

Устремленность ввысь, мягкая криволинейность, дровидность, «ветвистость» конструкций, «крылатость» скатных крыш — все наполнено понятными для «простого» человека ассоциациями, и при всем при том — это архитектура, хорошо спропорционированная, выполненная на высоком уровне вкуса, такта и благородства образа.

Как достойный пример финского «регионализма» можно назвать «Оульскую школу», проектирующую в северной части Финляндии для города Оулу и его окрестностей [8, 28, 30].

В основе «региональной» концепции архитектуры этой школы лежит сочетание традиционных строительных приемов и компоновочных решений, характерных для этих «мест», с архитектурным языком европейского функционализма.

Скатные кровли со «спокойным» силуэтом, натуральные «простые» отделочные материалы (лицевой кирпич, штукатурка, крашенная в белый цвет доска на фасадах), планировочные решения со свободной компоновкой помещений, тактичная вписанность в окружение, аскетичность фасадов с нерегулярным «живописным» размещением окон — все это наполняет архитектуру ненавязчивой, сельской, «хуторской» поэтичностью, «родной» для жителей этой части Финляндии [9, 127–128].

Реакцией отечественного архитектурного сообщества на засилье типового, обезличенного, утилитарного в строительной практике СССР стало появление в 1970–1980-х гг. такого концептуального направления в проектировании, как «бумажная архитектура» [10, 67–81].

Хотя «бумажное» проектирование того времени не доходило до этапа реализации, можно сказать, что с «бумажной архитектуры» в нашей стране начался процесс гуманизации городской среды.

Рассуждая о «родном» в отечественной архитектуре, нельзя не упомянуть о Нижегородской архитектурной школе. Безусловно, современная архитектура Нижнего Новгорода в лучших своих постройках — это пример зрелого российского «регионализма».

Хотелось бы отметить две постройки, спроектированные в 1990-е гг. для исторической части Нижнего Новгорода авторским коллективом под руководством А. Е. Харитоновой и Е. Н. Пестова. Это здание банка «Гарантия» на ул. Малая Покровская и административное здание «Дом-репродуктор» на ул. Фрунзе, 7 [11, 8–9].

Сочетание выразительной, пластически активной, «современной» формы со стилистикой нижегородского «модерна» начала XX в. дает неожиданный и достаточно сильный эффект впечатления — здания новые, невиданные и в то же время «родные», близкие [12, 33–45].

Радость переживания новизны и осознание того, что архитектурная традиция, по ассоциативному ряду близкая и понятная «простому» человеку, не прервана, создают сильнейший эмоциональный резонанс.

Заключение

Исходя из определения «чувства Родины», как чувства комфортного и радостного бытия в мире (мир — ареал, в границах которого человек родился, вырос и сформировался как личность), в статье обозначены критичные характеристики застройки российских городов, мешающие человеку переживать это чувство во всей его полноте.

Архитектура регионализма, в основе которого лежит чувство привязанности, любви к родной земле, уважение к памяти предков и доброжелательное отношение к соотечественникам-современникам, рассмотрена как альтернатива распространенному современному подходу к проектированию и строительству.

Список использованной литературы

- 1 Лихачев Д. С. Заметки о русском. — М.: Советская Россия, 1984. — С. 27.
- 2 Хафизов И. Оконные наличники. Сделано в России // Nalichniki.com. 2015.
- 3 Прокудин-Горский С. М. Российская империя в цвете. Города. Губернии. Провинции. — М.: Изд-во АСТ, 2018. — 192 с.
- 4 Asensio P. Alvar Aalto // te Neues. — Barcelona, 2002. — 79 p.
- 5 Иконников А. В. (сост.) Мастера архитектуры об архитектуре. Луис Кан. — М.: Искусство, 1972. — 526 с.
- 6 Коэн Ж. Л. Ле Корбюзье // АРТ-Родник. — М., 2008. — 96 с.
- 7 Деме Т. Лестница Имре Маковца // Magyar epitomuveszet. — Budapest, 1990. — № 3–4. — С. 60–63, 94.
- 8 Finland BYGGER 7 (каталог выставки) // Finland Architektur Museum. — Helsinki, 1986. — С. 28–30.
- 9 Гозак А. Финляндия строит // Архитектура СССР. — М., 1988. — № 3. — С. 127–128.
- 10 Гозак А. Молодые архитекторы в международных конкурсах 1980-х годов / А. Гозак, И. Коробьина // Архитектура СССР. — М., 1984. — № 6. — С. 67–81.
- 11 Фесенко Д. Репортаж с фестиваля «Зодчество-96» // Архитектурный вестник. — М., 1906. — № 6 (32). — С. 8–9.
- 12 Ревзин Г. Молчаливый постмодернизм (= модерн + авангард) // Проект Россия. — М., 1997. — № 4. — С. 33–45.
- 13 Jodidio P. Architecture in the Netherlands // Taschen GmbH. — Köln, 2006. — С. 34–49.

Spisok ispol'zovannoj literatury

- 1 Lihachev D. S. Zametki o russkom. — M.: Sovetskaya Rossiya, 1984. — S. 27.
- 2 Hafizov I. Okonnye nalichniki. Sdelano v Rossii // Nalichniki.com. 2015.
- 3 Prokudin-Gorskij S. M. Rossijskaya imperiya v cvete. Goroda. Gubernii. Provincii. — M.: Izd-vo AST, 2018. — 192 s.
- 4 Asensio P. Alvar Aalto // te Neues. — Barcelona, 2002. — 79 p.
- 5 Ikonnikov A. V. (sost.) Mastera arhitektury ob arhitekture. Luis Kan. — M.: Iskustvo, 1972. — 526 s.
- 6 Koehn Zh. L. Le Korbyuz'e // ART-Rodnik. — M., 2008. — 96 s.
- 7 Deme T. Lestnica Imre Makovca // Magyar epitomuveszet. — Budapest, 1990. — № 3–4. — S. 60–63, 94.
- 8 Finland BYGGER 7 (katalog vystavki) // Finland Architektur Museum. — Helsinki, 1986. — S. 28–30.
- 9 Gozak A. Finlyandiya stroit // Arhitektura SSSR. — M., 1988. — № 3. — S. 127–128.
- 10 Gozak A. Molodye arhitektory v mezhdunarodnyh konkursah 1980-h godov / A. Gozak, I. Korob'ina // Arhitektura SSSR. — M., 1984. — № 6. — S. 67–81.
- 11 Fesenko D. Reportazh s festivalya «Zodchestvo-96» // Arhitekturnyj vestnik. — M., 1906. — № 6 (32). — S. 8–9.
- 12 Revzin G. Molchashchij postmodernizm (= modern + avangard) // Proekt Rossiya. — M., 1997. — № 4. — S. 33–45.
- 13 Jodidio P. Architecture in the Netherlands // Taschen GmbH. — Köln, 2006. — S. 34–49.